

Маск. сансэмомон, 1982, 11 мая

В РОЛЯХ, созданных лю-
бым мало - мальских зна-
чительным актером, в его ис-
кусстве отражается время,
хочет он того или нет, стре-
мится к этому или не очень.
И вот мы смотрим по теле-
визору передачу из цикла
«Мастера искусства» об
Элине Быстрицкой — актри-
се прекрасной, однако нахо-
дящейся сегодня все-таки не
на первом плане нашего зри-
тельского внимания и инте-
реса, что, как явствует из
увиденного в этот вечер на
экране, не вполне справедли-
во — но когда же, к какому
актеру мы, зрители, справедли-
вы до конца?

Я бы сказал, что эта про-
фессия в каком-то смысле
исключает объективность от-
ношения — кого - то превоз-
носят по причинам, подчас
к нему не имеющим отноше-
ния, кого-то по таким же при-
чинам ниспровергают. В по-
ложение калифа на час попа-
дает чуть ли не всякий изве-
стный актер — но ему-то ка-
ково, после того как этот
час миновал и надо жить
дальше, а на него смотрят с
некоторой даже укоризной;
что ж ты, доказывая, про-
должай... а что тут докажешь,
если в кино не приглашают и
ролей в театре тоже не да-
ют?

Впрочем, последнее к Бы-
стрицкой не относится. «Ак-
тер должен быть жадным»,
— дважды повторила она за
кадром в течение передачи.
Михаил Ульянов сказал о
ней: «...волевая, точно зна-

ющая, чего хочет». Сергей
Герасимов рассказал, как
она, прилетев с зарубежной
премьеры, сразу же позвони-
ла ему и сказала, что хочет
сыграть Аксинию в «Тихом
Доне». «И была права, что
позвонила, — прибавил он,
— потому что есть роли, ко-
торых актер просто обязан

актрис «Дома Островского»,
всегда славившегося своей
прекрасной русской речью,
такие слова дорогого стоили.

Проходят перед нами ее
роли, ее жизнь — от первых,
несовершенных еще создани-
й кино начала 50-х годов,
где так заметно старание
юной актрисы сыграть «как

зять, дежурного восхищения
героем, когда тебе все время
как бы говорят с экрана: вос-
торгайся. Мне надо еще вы-
яснить для себя, чем имен-
но и вообще стоит ли — и,
думаю, не мне одному. Так
вот здесь режиссер постоянно
оставляет, так сказать,
место для собственного мне-

ИДУТ эпизоды из фильмов,
принесших ей славу, —
«Неоконченная повесть»,
«Добровольцы», «Тихий
Дон». Говорят о ней актеры
и режиссеры. И постепенно
из точного отбора эпизодов,
из слов, сказанных коллега-
ми, возникает тема — актер
и время. И рассказ Подгор-
ного о том, как нелегко — ей
далась баронесса Штраль в
«Маскараде», и пожелание,
которым заканчивает Улья-
нов: «Элина, хорошей тебе
роли!» — все это складыва-
ется в повесть о времени, ко-
торого так часто не замеча-
ет человек за суетой текущих
дел и дней, за которое когда
— нибудь требует именно
этого актера, именно эту ак-
трису... Сколько мы уже га-
кого видели. И надо быть го-
товым к тому, что тебя позво-
вут, к тому, что от тебя бу-
дет зависеть что-то существ-
ственное даже не в данном
фильме или спектакле, а в
судьбах искусства. А пока
ходить в театр на репетиции,
заниматься этой самой еже-
дневной суетой (мы видим,
как она играет на бильяр-
де, видим ее в спортзале на
тренировке гимнасток — она
ведь председатель советской
Федерации художественной
гимнастики) — и ждать, ко-
гда тебя позовут. А уж тогда...
Впрочем, не Быстрицкую
учить, что тогда делать.

Передачи бывают разные
— веселые, захватывающие,
скучные. Эта была умной.

Ю. СМЕЛКОВ.

добиваться, даже не ожидая,
когда предложат». Что ж, в
этой зависимости (от режиссе-
ра, от драматургов, от сотни
случайных причин) профес-
сия, может быть, и надо
уметь добиваться своего...

И она добивается. Ее кол-
лега по Малому театру Ни-
кита Подгорный говорил о
том, что она не стеснялась
учиться у знаменитых «ста-
риков» и «старух» прослав-
ленного театра — а к послуш-
ной ученице отношение,
естественно, другое, чем к
приглашенной «кинозвезде»;
сравнительно быстро она
стала своей в этой, ох, какой
непростой труппе. И удосто-
илась высшей похвалы от
самой Яблочкиной: «Я все
понимаю, что она говорит»
— в устах одной из первых

положено», до сегодняшних,
до Кручининой в «Без вины
виноватые», которую Бы-
стрицкая играет очень искрен-
не и очень просто. Боль вос-
поминаний — но такая, кото-
рая, будучи выражена сдер-
жано, скупо, доходит до
зрителя, пробуждает в нем
собственную, свою боль. А
перед этим эпизодом режис-
сер и автор передачи А. Ше-
рель показал нам актрису не
на сцене, на прогулке, она
шла по лесу, вспоминала о
войне, звучала Седьмая сим-
фония Шостаковича — и по-
лучился неожиданно вырази-
тельный монтажный стык.

Если уж зашла речь об А.
Шереле, то должен сказать,
что в этой передаче не бы-
ло обязательного, так ска-

ния зрителя, допускает нали-
чие у него собственных вку-
сов и пристрастий.

Вот Быстрицкая говорит о
том, что для нее примером в
искусстве является Галина
Уланова — и мы видим на
экране танец Улановой, и
она входит в передачу как
самостоятельная и непре-
ходящая — художественная
ценность, как одна из вер-
шин нашего искусства. Вот
Быстрицкая — в фойе Мало-
го театра, и в кадре — се-
ровский портрет великой Ер-
моловой... все мы стоим на
фундаменте прошлого и в
общем-то это надо еще за-
служить — сняться в одном
кадре с портретом великой
актрисы, написанным вели-
ким художником. Быстрицкая
заслужила такое право.